

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ¹

К.А. Зарубина

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Определены специфические условия формирования и развития профессиональной преступности как опасного криминального явления в дореволюционной России. Дана общая характеристика социально-экономических, политических и культурных условий, влиявших на трансформацию профессионального преступного мира в рассматриваемый период, обусловивших консолидацию преступной среды и упрочение криминальных связей между преступниками-профессионалами в России к концу XIX – началу XX вв.

Ключевые слова: профессиональная преступность, криминальная специализация, преступная квалификация, профессиональный преступник, вид преступности, криминальный мир, наказание, преступление.

Профессиональная преступность прошла долгий путь становления и развития. Принято считать, что впервые термин «профессиональный преступник» появился в научной среде в XVIII в. Причем как особый самостоятельный вид преступности профессиональная преступность впервые была выделена на Гейдельбергском съезде криминалистов в 1897 г. [3, с. 211] Однако формирование и развитие этого опасного антисоциального явления в России началось задолго до появления понятий «профессиональный преступник», «профессиональная преступность» и выделения этой разновидности преступности в самостоятельный вид.

Зарождение и развитие профессиональной преступности в российском государстве имело свой особый эволюционный путь. Трансформация профессиональной преступности в России в дореволюционный период происходила в специфических социально-экономических, политических и культурных условиях, что было предопределено влиянием на развитие это вида преступности в стране различных факторов, обусловивших формирование в России к концу XIX – началу XX вв. уникального, монолитного и сплоченного преступного мира «профессионалов». По справедливому замечанию

---

¹ НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

исследователя А.И. Гурова, во Франции, Италии, Германии, Англии консолидация преступного мира началась гораздо раньше, чем в России. При этом профессиональная преступность в российском государстве в дореволюционный период занимала совершенно иное, отличное от западноевропейского положение [5]. На это хотелось бы обратить особое внимание в данной статье.

Для начала выделим особенности экономического развития российского государства. Так, в дореволюционный период экономика России была, в первую очередь, ориентирована на сельское хозяйство, а большинство подданных империи проживало в сельской местности, что не могло не оказать влияние на специфику организации преступного мира [14, с. 12]. Из-за того, что уровень урбанизации в дореволюционной России был очень низким, имущественные преступления, совершившиеся преимущественно в городской среде, были не характерны для общеуголовной и профессиональной преступности России. В Западной Европе, напротив, особую распространенность еще в Средневековье имели иные разновидности преступной деятельности корыстной и корыстно-насильственной направленности, например магазинные кражи, карманничество, «процветающее» на крупных рынках, базарах, ярмарках; в то время как в российском государстве, начиная с древности, наиболее «профессионализированными» были другие разновидности преступности, например конокрадство, распространенное именно в сельской местности, за которое преступников приговаривали к высшей мере наказания (по Русской правде за кражу коня назначалось такое наказание, как «поток и разграбление», позднее – смертная казнь). Особо преследовалось законом повторное совершение кражи лошадей, что указывало на профессиональный характер этой разновидности преступной деятельности [7, с. 61–65].

Еще одним условием, оказавшим большое влияние на трансформацию профессиональной преступности в дореволюционный период, было продолжительное существование в России крепостничества (до второй половины XIX в.). Поскольку крепостное право тормозило экономическое развитие российского государства, это отрицательно сказывалось на материальном положении большей части населения – крестьянства (в первую очередь, крепостного), а значит, усиливало социальную напряженность и обуславливало рост преступности [21, с. 25]. В подтверждение этому укажем, что в дореволюционной России процент осужденных крестьян был всегда достаточно высоким, более половины осужденных принадлежали именно к крестьянскому сословию [20, с. 36–42]. При этом многие из крестьян становились самыми настоящими профессиональными преступниками, находясь в составе шаяк воров, разбойников и грабителей.

В связи с тем, что процесс закрепощения крестьян уже в XVII в. окончательно был завершён (в связи с установлением бессрочного сыска беглых крестьян Соборным уложением 1649 г.) [22, с. 99–102; 18, с. 161], бегство крепостных стало настоящей проблемой для российского государства [10, с. 188–192; 13, с. 51–54]. Однако «лучшей» свободной жизни беглые крестьяне чаще всего не находили, ввиду чего обращали свои взоры к противоправной деятельности как к единственной возможности обеспечить для себя и своей семьи нормальное существование. Преступный образ жизни позволял беглым «зарабатывать», пусть и весьма специфическим способом. Яркий пример – криминальная деятельность известного вора XVIII в. крепостного крестьянина Ивана Осипова (Ваньки Каина), который с детства воровал у барина, соседей, матери, а в юности бежал и примкнул к одной крупной воровской шайке, стал специализироваться на карманных кражах и обрел «славу» одного из самых удачливых карманников России XVIII в. [1, с. 46]. Так, по справедливому замечанию исследователя А.И. Гурова: «Огромная армия бродяг постоянно пополнялась беглыми крестьянами, автоматически превращавшимися в потенциальных преступников» [5]. При этом с отменой крепостного права в 1861 г. положение бывших крепостных значительно не улучшилось. Крестьянство, не успев адаптироваться к экономическим преобразованиям и новому свободному статусу, беднело. Это также сказалось на криминогенной ситуации. Часть крестьян обратилась к преступной деятельности, найдя в этом единственно возможный путь обеспечения для себя и своей семьи безбедного существования. В этой среде появлялись и профессиональные преступники. Согласно данным официальной судебной статистики, в пореформенный период в России отмечен рост числа крестьян, осужденных за разбой, грабеж, кражу [2, с. 285–319]. Как видим, бывшие крепостные крестьяне больше «специализировались» на преступлениях корыстной и корыстно-насильственной направленности, что указывало на особый мотив совершения противоправных деяний – материальное обогащение, получение от преступной деятельности дохода. Кроме того, по утверждению И.М. Мацкевича, крестьянская реформа 1861 г. вызвала миграционные процессы, вследствие чего в преступной среде стали появляться профессиональные преступники из купцов и дворян, совершавшие подлоги кредитных бумаг, карточное шулерство, превратив его в финансовое мошенничество [12, с. 127–135].

Вследствие этого можно заключить, что известная крестьянская реформа 1861 г. имела как позитивный результат, так и негативный. Если до отмены крепостного права многие крестьяне считали преступную деятельность единственно возможным средством заработка, средством обеспечения безбедного существования, ввиду

тяжелого экономического бремени «крепостной жизни», то после обретения долгожданной свободы на преступный путь бывших крепостных крестьян толкали высокие выкупные платежи, малоземелье, недостаточная подготовленность большей части крестьянства к самостоятельному ведению хозяйства в условиях развивающегося капитализма и, как следствие, неустойчивое материальное положение.

Еще одним важным фактором, оказавшим влияние на становление и развитие профессиональной преступности в России, можно назвать особенности отечественного дореволюционного уголовного законодательства, а именно сложившейся системы наказаний. Общеизвестно, что карательные меры по отношению к особо опасным преступникам в России в этот период были крайне суровыми, что априори исключало возможность возвращения «оступившихся» к нормальной жизни, даже если «профессионал» только начинал свою криминальную «карьеру». К примеру, в Уставной книге Разбойного приказа 1555–1556 гг. (главного розыска органа страны) сообщается о массовости разбойных шаек, а также оправдывается казнь потенциальных профессиональных преступников в связи со сложностью воспитательного воздействия на них уголовно-исправительной системы [19]. По Судебникам XV–XVI вв. смертная казнь применялась по отношению к ворам, пойманым с поличным, разбойникам и другим «категориям» опасных преступников. Причем особо устрашающей была квалифицированная смертная казнь – четвертование, колесование, распятие на кресте, сожжение на костре и т. п. Для большего эффекта наказание приводили в исполнение публично на площади, при большом стечении народа, перед этим преступника «торжественно-позорно» приводили к месту смертной казни. Не менее устрашающими были и телесные наказания: избивание преступника кнутом на площади (торговая казнь, которая нередко приводила к смерти осужденного), биение батогами и др. [11, с. 28–33]. Одним из наиболее распространенных наказаний в XIX в. становится тюремное заключение (в соответствии с нормами Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.), которое, по утверждению современников, не «исправляло» преступников, а наоборот, только «укореняло» в них желание совершать новые преступления [4, с. 73].

Так, существовавшая в дореволюционной России система наказаний имела главную цель – устрашение [16, с. 9–15]. В связи с этим преступники, однажды преступившие черту закона, как правило, осознавали невозможность возвращения к нормальной, законопослушной жизни и навсегда связывали свою жизнь с опасным преступным промыслом. Исправительная цель наказаний также не приводила к необходимым результатам. Вследствие этого преступники продолжали свой криминальный путь и становились с годами настоящими

«профессионалами» своего «дела». По сути, закон сам ориентировал преступников к приобретению особых криминальных знаний, умений и навыков, по большей мере отрицая возможность исправления самых «закостенелых» преступников, промышлявших общественно опасным «ремеслом».

Отдельно отметим, что российские дореволюционные правоохранительные органы, как правило, плохо справлялись со своими прямыми обязанностями по противодействию преступной деятельности. Общеизвестно, что раскрываемость преступлений в дореволюционный период была крайне низкая, и даже невысокий уровень развития криминального мастерства в это время гарантировал преступнику неуязвимость от уголовного преследования. Например, разграничение направлений деятельности разных отделений полиции по признаку организации борьбы с конкретными разновидностями профессиональной преступной деятельности в России произошло только в начале XX в. Так, согласно Инструкции чинам сыскных отделений от 09.08.1910 г., регламентирующей организационную структуру и порядок деятельности сыскных отделений, работа сотрудников этих отделений выстраивалась по принципу криминальной специализации. Это позволяло личному составу усовершенствовать свои профессиональные умения, навыки и повысить раскрываемость преступлений, совершенных «профессионалами» [8]. Также в данный период правоохранительные органы начали «собирать» коллекцию почерков преступников, при этом «автографы выдающихся профессиональных преступников» сохраняли особо [6, с. 56–61]. Однако и этого было недостаточно для того, чтобы противостоять уже хорошо организованному и консолидированному профессиональному преступному миру.

Как видно, до начала XX в. деятельность правоохранительных органов не была прямо нацелена на противодействие профессиональной преступности, которая к концу XIX – началу XX вв. уже находилась на высокой стадии развития. Как следствие, сотрудники органов внутренних дел не обладали необходимой квалификацией для организации борьбы с профессиональной преступностью на должном уровне, что не могло не способствовать развитию преступного мастерства в криминальной среде.

Иногда к отличительным факторам, детерминирующим развитие преступности, в том числе и профессиональной, относят и особое отношение населения к преступности, преступникам, а также к деятельности правоохранительных органов. Правовая активность населения в дореволюционный период была, как правило, невысокой, также как и уровень правосознания. В зависимости от социального положения, принадлежности человека к определенному сословию у населения формировалось особое отношение к общественному порядку.

К преступникам из низших слоев, в том числе и к профессиональным бандитам, ворами, разбойникам и т. п., большая часть населения (в первую очередь, беднейшая) относилась либо нейтрально, либо положительно, но только в том случае, если они направляли свои преступные посягательства против высших сословий [17, с. 160–165]. Этим преступников чаще всего не выдавали полиции, им даже содействовали в совершении их общественно опасных деяний. Полагаем, что именно поэтому в Соборном уложении 1649 г. были зафиксированы такие составы преступлений, как «подвод» и «поноровка» (приискание места и времени совершения преступлений, а также укрывательство преступника).

С другой стороны, подобное нейтральное и даже позитивное отношение большей части общества к преступности формировалось за счет того, что и к самим правоохранительным органам население относилось более чем настороженно. Особо негативно население воспринимало деятельность сыскных учреждений, тайных органов государственной власти, а также жандармерии. Доносительство, различные провокации воспринимались в обществе отрицательно, хотя и поощрялись властью.

Так, если объектом посягательства становились собственные интересы городских и сельских «обывателей», то к преступной деятельности беднейшая часть населения чаще всего относилась негативно, но в случае совершения общественно опасных деяний, направленных на нарушение прав владельцев заводов и имений, помещиков, интересов самодержавия и т. п., к преступникам, как правило, относились или нейтрально, или положительно. Вследствие этого общественный порядок для беднейшей части населения не исключал преступную деятельность [15, с. 21–24]. Так, можно заключить, что правосознание и правовая культура у большей части населения России, представленного, в первую очередь, малообразованным крестьянством, было специфическим, оно ориентировалось на собственные представления о праве, поэтому преступления не всегда воспринимали как нарушения закона [9, с. 615–622], что не могло не «питать» активно развивающуюся в это время преступную среду, в том числе и профессиональный криминальный мир.

Таким образом, на формирование профессиональной преступности в России в дореволюционный период оказали влияние следующие специфические условия:

1. Ориентация экономики страны на сельское хозяйство, преобладание сельского населения над городским влияло на структуру преступности в России.

2. Большую распространенность среди наиболее «профессионализированных» преступлений имели общественно

опасные деяния, типичным местом совершения которых была сельская местность (например, конокрадство).

3. Среди преступников, в том числе и профессиональных, также преобладали крестьяне (особенно беглые крепостные).

4. Отмена крепостного права в 1861 г., в свою очередь, тоже способствовала криминализации общества, в силу того что материальное положение бывших крепостных в целом по стране ухудшилось.

5. Устрашающие цели уголовного наказания фактически предопределяли в дореволюционный период невозможность возвращения профессионального преступника к нормальной законопослушной жизни, а низкий уровень развития правосознания и правовой культуры малообразованного крестьянства, как основной части населения страны, при недостаточно эффективной деятельности сотрудников правоохранительных органов по противодействию как общеуголовной, так и профессиональной преступности, способствовали дальнейшему обострению криминогенной обстановки в дореволюционной России.

Указанные условия и факторы были обусловлены существованием и развитием российского государства в особом социокультурном, политическом, географическом, экономическом пространстве, оказавшем влияние на разные сферы общественной жизни, в том числе и на консолидацию профессионального преступного мира в России в конце XIX – начале XX в.

Список литературы

1. Акельев Е.В. Московские мошенники в XVIII в.: клички, язык, развлечения // Живая старина. 2007. № 1 (53). С. 46–48.
2. Безгин В.Б. Кражи в российском селе второй половины XIX – начала XX века // Юридические исследования. 2013. № 6. С. 285–319.
3. Гишинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2002. 384 с.
4. Гуров А.И. Красная мафия. Коммерческий вестник, 1995. 352 с.
5. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность [Электронный ресурс]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/05.htm> (дата обращения: 20.11.2023)
6. Жаров С.Н. Оперативно-розыскная деятельность уголовного сыска Российской империи // ЮП. 2007. № 4. С. 56–61.
7. Зарубина К.А. Конокрадство, как опасный криминальный промысел в дореволюционной России, или как наказывали за кражу лошадей? // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 3. С. 61–65.
8. Инструкция чинам сыскных отделений от 9 августа 1910 г. Отдельное издание. СПб., 1910 [Электронный ресурс]. URL: <https://knigi.studio/istorii-gosudarstva-shpargalki-rossii/instruktsiya-chinam-syisknyih-otdeleniy-191005.html> (дата обращения: 21.11.2023)

9. Кулачков В.В., Музычук Т.Л. Криминологические аспекты правового сознания крестьянства Западного региона России на рубеже XIX–XX веков // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 3. С. 615–622.

10. Лепшеев А.А. Политика правительства Анны Иоанновны в отношении беглых крестьян и дворяне // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 118. С. 188–192.

11. Лоба В.Е. Понимание преступления и наказания по Судебникам XV–XVI веков // Философия права. 2015. № 5 (72). С. 28–33.

12. Мацкевич И.М. Профессиональная преступность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2008. № 1. С. 127–135.

13. Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII – XX вв. / Под ред. И. Герасимова. Казань: Ab Imperio, 2017. 630 с.

14. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т.1. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. 417 с.

15. Петров А.В., Девятов В.Ю. Полиция и общество в Российской Империи начала XX века // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2011. № 40 (257). С. 21–24.

16. Подройкина И.А. Система уголовных наказаний в истории России и в современном зарубежном законодательстве: Монография. М.: ЮРИСТ ИНФОРМ, 2018. 130 с.

17. Симонова М.В. Степан Тимофеевич Разин – государственный преступник или народный герой? // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 401. С. 160–165.

18. Соборное уложение 1649 года. Выверено по изданию: М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 431 с.

19. Уставная книга разбойного приказа [Электронный ресурс]. URL: https://allpravo.ru/library/doc313p/instrum3943/item3948.html#_ftn47 (дата обращения: 28.10.2023).

20. Харсеева О.В. Преступность крестьян в губерниях Центрально-Черноземной России в конце XIX - начале XX в // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 1 (41). С. 36–42.

21. Чхиквадзе В.М. Социализм и народовластие: справочник. М.: изд-во Полит. лит-ры, 1965. 176 с.

22. Шевченко М.М. История крепостного права в России. М.: Рипол Классик, 1981. 253 с.

Об авторе:

ЗАРУБИНА Кристина Александровна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, г. Курск, ул. 50 лет октября 94), SPIN-код: 6376-0807, AuthorID: 1058731; e-mail: kris1996z@mail.ru

**ON THE QUESTION OF THE CONDITIONS OF FORMATION
AND DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL CRIME
IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA¹**

К.А. Zarubina

South-West State University, Kursk

The article defines the specific conditions for the formation and development of professional crime as a dangerous criminal phenomenon in pre-revolutionary Russia. A general description of the socio-economic, political and cultural conditions that influenced the transformation of the professional criminal world in the period under review, which led to the consolidation of the criminal environment and the strengthening of criminal ties between «professionals» in Russia by the end of the XIX – beginning of the XX century.

Keywords: *professional crime, criminal specialization, criminal qualification, professional criminal, type of crime, criminal world, punishment, action.*

About author:

ZARUBINA Kristina – Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Southwest State University (Russia, Kursk, ul. 50 let Oktyabrya 94), SPIN-code: 6376-0807, AuthorID: 1058731; e-mail: kris1996z@mail.ru

Зарубина К.А. К вопросу об условиях формирования и развития профессиональной преступности в дореволюционной России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 156–164.

Статья поступила в редакцию 27.11.2023 г.
Подписана в печать 14.03.2024 г.